

О.А. Романова

**МАЛОРОССИЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В РУССКО-
УКРАИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ (1659-1672 гг.):
СИМЕОН АДАМОВИЧ**

После Переяславской рады 1654 г., формально закрепившей переход Левобережной Украины к России, началась череда гетманских «измен», что свидетельствует о сохранении внутреннего раскола в малороссийском обществе. Далеко не все социальные группы смогли лучшим образом реализовать свои интересы в рамках изменившегося политического устройства. В ситуации непростого исторического выбора оказалось и украинское духовенство, для которого речь шла не только о политике, но и о возможных изменениях во внутрицерковной сфере, так как для московского правительства была актуальной задача подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату.

Одним из немаловажных аспектов в деле стабилизации ситуации в регионе являлось построение системы взаимоотношений с малороссийским духовенством, которое пользовалось большим политическим влиянием. Московское правительство прибегало к услугам доверенных лиц, которым выплачивалось жалованье и которые служили, добывая информацию и способствуя проведению интересов России. На родине их деятельность получала весьма противоречивые оценки, чаще всего их обвиняли в предательстве, и в историографической традиции за ними закрепились весьма нелестные определения – «враги казацкой державы», «ссорщики», «авантюристы».

Заметную роль в развитии российско-украинских отношений второй половины XVII в. сыграли протопоп Нежинский Максим Филимонович, впоследствии принявший монашеский постриг и ставший епископом Мстиславским и Оршанским Мефодием, местоблюстителем Киевской митрополии, а также его преемник протопоп Иченский и Нежинский Симеон Адамович. В их судьбах много общего. Оба они в начале своей карьеры принадлежали к белому духовенству, обоих отличал достаточно высокий уровень образования, знание латыни и польского языка. Деятельность на политическом поприще в конце жизни привела обоих к ссылке в Сибирь по обвинению в антироссийских заговорах.

Фигура Мефодия более масштабна в политическом смысле и в исторических исследованиях удостоивалась большего внимания, особенно в дореволюционной историографии¹. Деятельность Симеона Адамовича также интересовала исследователей², однако его служба в пользу московского правительства до сих пор остается недостаточно подробно изученной.

Существует немало пробелов в знаниях о раннем периоде жизни и деятельности Симеона Адамовича. Неизвестен год его рождения, нет данных о происхождении. История этого человека начинается для нас с момента, когда прослеживается его служба Московскому государству. По данным Д. М. Буланина, имя Симеона Адамовича впервые встречается в источниках в 1659 г., в связи с его деятельностью в интересах России после измены гетмана И. Выговского. Известно, что в это время С. Адамович был протопопом Иченским³. Очевидно, он работал вместе с Максимом Филимоновичем⁴. По данным Л. В. Заборовского, еще в 1655 г. М. Филимоновича привлекали к составлению ряда дипломатических документов по прямому распоряжению московского двора⁵. Сохранились письма Филимоновича к Ф. М. Ртищеву за 1657 г., из которых следует, что протопоп служил московскому правительству⁶. В 1658 г. в росписи соболиной казны на государево жалованье упоминается имя Филимоновича, который получил «пару в четыре рубли, пару ж в три рубли из записных соболей»⁷.

События 1659 г. явились крупной вехой в развитии русско-украинских отношений. На Переяславской раде 1659 г. под давлением А. Н. Трубецкого были предприняты некоторые шаги по дальнейшему ограничению прав автономии Украины в составе России. В частности, было провозглашено намерение Москвы сделать постоянным пребывание царских воевод в Переяславле, Нежине, Чернигове, Брацлавле, Умани. Кроме того, по статье 8, «...митрополиту Киевскому, так и иным духовным Малые России, быти под благословением святейшего патриарха Московского и всея Великие и Малые и Белые России, а в права духовные святейший патриарх вступатися не будет»⁸. Таким образом, Киевская митрополия формально должна была перейти под юрисдикцию Московского патриархата, однако с сохранением автономии в своих «духовных правах»⁹.

С одной стороны, малороссийское духовенство стремилось к укреплению союза с Россией, так как существовали серьезные опасения

притеснений в вере, которые могли последовать со стороны Речи Посполитой в том случае, если бы Левобережная Украина потеряла покровительство Московского государства. Как отметил Л.В. Заборовский, «органичного включения украинцев в религиозную систему Речи Посполитой не происходило, они обособливались»¹⁰. Малороссийское духовенство постоянно получало сведения о преследованиях православного населения Белоруссии униатами¹¹. С другой стороны, высшее украинское духовенство не желало давления и вмешательства в свои дела со стороны Москвы.

О.В. Баранова, исследовавшая происхождение статьи 8 в договоре 1659 г., отмечает, что прецедент просьбы перевести малороссийское духовенство в подчинение Московскому патриархату был создан позицией гетманской верхушки. Еще в 1654 г. И. Выговский и Б. Хмельницкий именовали Никона так: «патриарх Великой и Малой России» и «наш заверхнейший пастырь». Б. Хмельницкий и позднее, в 1657 г., через своих послов выражал готовность к приезду в Киев Никона и к благословению им киевского митрополита. Это полностью совпадало с позицией московского правительства, выраженной А. Бутурлиным в 1657 г. на переговорах с малороссийским духовенством. Тогда же было получено согласие архиепископа Черниговского Лазаря Барановича в этом вопросе.

Безусловно, важен аргумент О.В. Барановой о том, что при обсуждении Переяславских статей 1659 г. «не было высших православных иерархов, а присутствовавшее белое духовенство, тесно связанное со своими прихожанами, знавшее их проблемы и чаяния, в большинстве своем симпатизировало Москве и не возражало против внесенного ст. 8 положения»¹². Окончательному утверждению этой статьи решительно воспрепятствовала гетманская верхушка.

Исследуя вопрос о церковной юрисдикции в российско-украинских отношениях, В.М. Живов выдвигает в качестве объяснения целей России концепцию Московского государства как новой Византии, православной империи, воплощение которой могло иметь два варианта, в зависимости от соотношения власти светской и духовной. В одном случае – это симфония власти царя и патриарха, и тогда необходимо подчинение Киевской митрополии Московскому патриархату. Во втором случае царь является фигурой, объединяющей несколько независимых церковных областей, и тогда возможно существование Киевской митрополии вне юрисдикции Московского патриархата¹³.

Таким образом, многое зависело от личности Московского патриарха и его взаимоотношений с царем. Идея подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату находила поддержку у Алексея Михайловича в годы, когда влияние Никона было наиболее сильным. В.М. Живов указывает на то, что во время обострения конфликта между царем и патриархом происходит и смена имперской концепции. Поэтому, начиная с середины 60-х гг. XVII в., Алексей Михайлович не настаивает на воплощении статей, принятых на Переяславской раде 1659 г., которые способствовали бы усилению фигуры патриарха.

Однако, с несколько иной мотивировкой, в контексте внешней политики идея подчинения малороссийской церкви и во второй половине 60-х гг. XVII в. продолжала выдвигаться в качестве цели России А.Л. Ординым-Нащокиным. Его концепцию по этому вопросу сформулировал исследователь П. Бушкович: приобретая контроль над православной церковью Левобережной Украины, Россия получает повод не отдавать Киев Речи Посполитой по Андрусовскому договору 1667 г., а также наносит удар по власти турецкого султана. Кроме того, в перспективе растут шансы убедить правобережного гетмана П.Д. Дорошенко перейти на сторону Москвы¹⁴. В более широком масштабе внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина была ориентирована на прочный союз России с Речью Посполитой с целью противостояния Османской империи и Швеции, причем даже в ущерб интересам Украины¹⁵.

В Малороссии проект перехода церкви под руководство Москвы многие считали нереалистичным и подвергали критике, так как его осуществление могло повлечь за собой новую войну с Речью Посполитой. Позиция А.Л. Ордина-Нащокина, в конечном итоге, не встретила поддержки у царя и привела его к отставке. А.С. Матвеев, возглавивший в 1669 г. Малороссийский приказ и сменивший А.Л. Ордина-Нащокина на посту руководителя внешнеполитического ведомства (с 1672 г.), проводил политику, направленную на сохранение спокойствия на Украине, и не стремился к обязательному подчинению Киевской митрополии Московскому патриархату.

Рассмотрев круг наиболее острых вопросов, обсуждавшихся в 1659 г., можно предположить, что Симеон Адамович разделял позицию Максима Филимоновича и способствовал проведению двух важнейших для московского правительства пунктов – о введении воевод и о подчи-

нении Киевской митрополии. Косвенно это подтверждается тем, что позднее, в 60–70-е гг. XVII в., он сам отстаивал именно эту позицию.

В статейном списке А.Н. Трубецкого есть сведения о посреднической деятельности С. Адамовича. В сентябре 1659 г. он был послан к Трубецкому с грамотой от прилуцкого наказного полковника, в которой содержалась просьба от всего Прилуцкого полка «отдать их вины» и по-прежнему оставить в подданстве у великого государя¹⁶.

Вскоре после описываемых событий прослеживается карьерный рост обоих церковных деятелей. В 1661 г. Филимонович был возведен митрополитом Сарским и Подонским Питиримом в епископы Мстиславские и Оршанские под именем Мефодия¹⁷, а Адамович стал протопопом Нежинским, причем был назначен на эту протопопию в Москве¹⁸.

После измены гетмана Юрия Хмельницкого, в ситуации, когда шло соперничество за власть между наказным гетманом Я. Самко, нежинским полковником В. Золотаренко и кошевым атаманом И.М. Брюховецким, у С. Адамовича произошел конфликт с Я. Самко. Согласно источникам, его казаки «двор протопопов разорили и животы все пограбили»¹⁹. Адамович лишился протопопии. Объединившись с Мефодием и оказав помощь будущему гетману И.М. Брюховецкому, Адамович восстановил свои права на протопопию. Описываемые события происходили в 1662–1663 гг.²⁰. Сохранились сведения о денежной компенсации в форме «государева жалованья» размером в 10 рублей, полученной протопопом в июне 1663 г. за ущерб, нанесенный его имуществу²¹.

Начиная с 1663 г. отношения между Мефодием и гетманом Брюховецким обострились. Гетман писал доносы на Мефодия, обвиняя его в «неправославии», стремился не допустить получения им митрополичьей кафедры²². В Малороссийский приказ поступали и доносы Мефодия, в которых он уличал гетмана в нарушениях норм российско-украинских соглашений²³.

Мефодий претендовал на место митрополита. В самом начале своей деятельности он не возражал против идеи церковного подчинения Москве, так как мог рассчитывать на поддержку. Но в последующий период, уже будучи местоблюстителем Киевской митрополии, он вместе с влиятельным архимандритом Киево-Печерской лавры И. Гизелем резко выступил против планов подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату, осуществлению которых пытался способствовать гетман Брюховецкий.

Примирение Мефодия с гетманом произошло в конце 1666–1667 гг., после того, как в Москве было высказано явное неодобрение по поводу вражды между ними²⁴. Кроме того, их связали еще и родственные узы: епископ Мефодий выдал свою дочь замуж за племянника Брюховецкого.

С 1663 г., вплоть до событий, связанных с изменой гетмана И.М. Брюховецкого, о содержании деятельности С. Адамовича нет сведений в доступном нам круге источников. Однако можно предположить, что в течение этих пяти лет он продолжал свою «промосковскую» работу совместно с Мефодием. Между ним шла переписка. Мефодий получал от Адамовича информацию о ситуации в регионе, интересовавшую московское правительство.

В ноябре 1666 г. С. Адамович писал Мефодию, находившемуся в это время в Москве: «А святителству вашему надобно бити челом царскому величеству, чтоб вас отпускали с Москвы малодушных людей наших утешати и подкрепляти. Велми весь мир скорбит, что под се несчастливое время преосвященства вашего нет в Малороссии... Не токмо я, но и многие люди обрадовались, почуевше прежнюю милость великого государя нашего его царского пресветлого величества к преосвященству вашему»²⁵.

Поворотной точкой, изменившей позицию Мефодия по отношению к Москве, стал Андрусовский договор 1667 г. Мефодий считал, что принятое Россией обязательство в будущем вернуть Киев Речи Посполитой – это предательство интересов Малороссии. Он особенно опасался решительных действий А.Л. Ордина-Нащокина. Его позиция раскрывается в письме к И.М. Брюховецкому: «Мила мне отчизна. Горь, если порабатят ее ляхи или москали. Лучше смерть, нежели зол живот»²⁶. После измены гетмана И.М. Брюховецкого епископа Мефодия обвинили в причастности к этому заговору. Рассмотрение дела в Москве было поручено А.С. Матвееву. В результате 25 октября 1668 г. С. Адамович вместе с полковником М. Гвинтовкой и братом Д.И. Многогрешного Василием Многогрешным, приехал для разбирательства в Москву. С. Адамович дал подробные показания по делу измены И. М. Брюховецкого²⁷.

В качестве причины измены гетмана С. Адамович указывал негативное восприятие И.М. Брюховецким Андрусовского перемирия 1667 г. Русско-польское соглашение рассматривалось последним как шаг на пути к уничтожению Украины: «...чтоб Украину собча с Пол-

ским королем выкоренить и спустошить огнем и мечем, а старших побрать в полон»²⁸.

По версии С. Адамовича, его не посвящали в заговор Брюховецого, о котором он узнал от прилуцкого полковника Лазаря Горленка. Он тут же поделился информацией с Мефодием, который утверждал, что ничего об этом не знает, хотя полковник говорил обратное.

Как верный подданный, Адамович отправился с сообщением о готовящейся «измене» к воеводе Нежинскому И.И. Ржевскому, у которого в тот момент находились прибывший из Москвы В. Тяпкин и стрелецкий голова из Киева И. Лопатин. Адамович предупредил московских гостей, что гетман уже назначил цену за их поимку. Кроме того, он сообщил, что на свадьбе дочери Мефодия и племянника Брюховецкого, куда был приглашен И.И. Ржевский, гетман собирался арестовать нежинского воеводу. Послушавшись совета Адамовича, Ржевский не пошел на свадьбу.

Узнав об этом, люди Брюховецкого передали гетману, что его планы нарушил Адамович. Около двора протопопа был поставлен караул. В тот момент Адамович опасался, что Мефодий причастен к заговору, и втайне от него, сказав, что едет в Прилуцкий монастырь, отправился к И.И. Ржевскому с просьбой отправить его в Москву, чтобы ему «про ту измену известить самому»²⁹.

По дороге из Нежина в Москву Адамовича арестовали казаки И.М. Брюховецкого и привезли его в Гадяч к гетману. Гетман обвинял протопопа в том, что «кровь проливаетца от него, протопопа, потому что он московских людей остерег, и по его де осторожности без крови взять их уже не мочно»³⁰. Гетман собирался казнить Адамовича, но потом отправил его под арест в Густынский монастырь, где протопоп провел три недели. Он продолжал переписку с Мефодием, который хлопотал за Адамовича перед гетманом.

Получив разрешение Брюховецкого приехать к Мефодию, Адамович покинул Густынский монастырь. По его словам, в это время Мефодий не выступал открыто против «измены» только лишь из опасения за свою жизнь и имущество. Однако тайным образом он послал к киевскому воеводе весть, чтобы тот прислал «ратных людей», а его взял бы под свою защиту в Киев. Мефодий отправил Адамовича к черниговскому полковнику Демьяну Многогрешному, которому удалось сбежать из плена И.М. Брюховецкого. Целью Адамовича было уговорить Многогрешного

по-прежнему служить Москве. Однако Посольство от Мефодия было встречено Д. Многогрешным с большим недоверием, так как епископ являлся родственником Брюховецкого³¹.

С. Адамович был пойман запорожским полковником И. Сохой в Прилуках и привезен в Чигирин. Там его допрашивали Ю. Хмельницкий, П.Д. Дорошенко и митрополит И. Тукальский. Они уговаривали Адамовича перейти на их сторону, обещая вернуть ему все утраченное имущество и показывая привилеи от турецкого султана на Киевскую митрополию. Опасаясь за свою жизнь, Адамович отрекся от службы Московскому государству и обещал им, что «станет чинить, что они велят»³². Позднее на допросе в Москве он настаивал, что при этом «присягу свою к царскому величеству всегда на сердце имел, и душу свою Богу и великому государю чисту соблюл»³³. На этом он был отпущен в Нежин, а его жена осталась в плену у П.Д. Дорошенко.

С. Адамович ярко и подробно описал на следствии свой поход в Путивль вместе с Г.Г. Ромодановским, М. Гвинтовкой и В. Многогрешным в сопровождении вооруженного отряда и большого количества «затонных людей боярских для конных кормов»³⁴. Возле села Гайворон на них напали крымские татары. Протопоп оказался затертым между двумя конными рейтарами. Они спешили и вместе с Адамовичем забежали в болото. За ними началась погоня, однако вскоре татары начали тонуть и отступили. Адамович и его спутники обнаружили, что чуть поодаль на болоте стоят рейтары со знаменами. Они подошли и встретили там обоих рейтарских полковников и М. Гвинтовку. Всего собралось около 500 рейтар. На допросе Адамович подчеркнул свою роль вдохновителя войска, рассказав, что он «учал ратных людей увещевати и укрепляти, чтоб за веру православную и за благочестивого царя вооружився, стали на болоте и бой учинили»³⁵. Они шли по болоту около 10 верст, «инде по колено, а инде по пояс, друг друга волокучи, и едва живы от морозу и от грязи»³⁶. За два часа до рассвета отряд вышел к обозу Г.Г. Ромодановского.

Протопоп тщательно подсчитал понесенные во время этого похода убытки и предъявил их в Москве: «И на том бою в селе Гайвороне я, протопоп, утерял свояка своего Кондрата Коневского, а при нем было денег моих с двадцать пять рублей, и отписки к царскому величеству Нежинского воеводы, да трое коней добрых с седлами и епончами, а я рясу свою верхнюю на лисицах в болоте покинул для того, что тяжело было бегать по болоту»³⁷.

С. Адамовича не раз спрашивали о роли епископа Мефодия в деле И.М. Брюховецкого. Здесь протопоп занял двойственную позицию. Так, он заявлял, что Мефодий всегда верно служил царю³⁸. Однако из других его показаний следует, что, во-первых, Мефодий знал о готовящейся измене, но не информировал об этом московское правительство; во-вторых, не внял просьбе Адамовича написать гетману письмо, чтобы «отвратить его от измены», так как испугался, что Брюховецкий и его тоже «огрابت и привезть к себе велит»³⁹; в-третьих, со слов И.М. Брюховецкого, Адамович цитирует письмо Мефодия, в котором епископ обвиняет А.Л. Ордина-Нашокина в стремлении отдать Украину Речи Посполитой: «...и тебе б, гетману, собрав войска, стати на границе и с Москвы бояр в Малороссийские города не пушать, и смотреть того, чтоб Москва тебя ляхом, в войску выведши, в подарках не отдала»⁴⁰. В результате разбирательства по делу И.М. Брюховецкого епископ Мефодий был признан виновным и сослан в Сибирь. Московскому правительству потребовался новый посредник в отношениях с гетманской верхушкой и малороссийским духовенством.

На эту роль претендовал Черниговский архиепископ Лазарь Баранович. Он принял самое активное участие в урегулировании ситуации на Украине после измены И.М. Брюховецкого и, очевидно, рассчитывал стать преемником епископа Мефодия. Однако наиболее подходящей кандидатурой был признан Симеон Адамович, уже успевший зарекомендовать себя на московской службе и не имевший собственных политических амбиций.

Протопоп был отпущен на Украину вместе с М. Гвинтовкой. По дороге им встретился рейтарский поручик Ф. Кражавский, который, приехав в Москву, в своих расспросных речах рассказывал, что С. Адамович «говорил, что они были у великого государя на Москве, и великий государь пожаловал их так, чего они недостойны, и великого государя милостию зело хвалились»⁴¹. Однако Адамович опасался ехать на родину, так как осознавал грозившую ему опасность, исходившую прежде всего от Л. Барановича. Он писал, что «отнюдь ехать не хотел, ведаючи непостоянство своей братии Малороссийских жителей»⁴².

Из переписки С. Адамовича с Москвой можно извлечь сведения о характере его службы в пользу России. В смутной ситуации конца 1668 – начала 1669 г. он должен был писать в различные малороссийские города к полковникам, привлекая их на царскую службу. Кроме

того, в его задачу входило обеспечение бесперебойного информационного потока о событиях на Украине. Нежинский воевода И.И. Ржевский должен был отправлять поступавшую в его распоряжение информацию протопопу, а он собирался пересылать ее великому государю через своих людей⁴³.

Для успешного осуществления своей миссии С. Адамовичу необходимо было попасть в ближайшее окружение нового гетмана Д.И. Многогрешного. Поначалу это оказалось очень трудной задачей.

Вернувшись, в соответствии с царским указом, на Украину, Адамович привез грамоты к Лазарю Барановичу, гетману Многогрешному и стародубскому полковнику Рославченко. Протопоп столкнулся с недоверием к себе со стороны гетмана, которое возникло с подачи Л. Барановича, завидовавшего положению Адамовича в Москве.

Д.И. Многогрешный считал Адамовича, наряду с Мефодием, виновником войны с Москвой. С.М. Соловьев цитирует письмо гетмана к Л. Барановичу, в котором прямо говорится об этом: «Нынешняя война с великим государем возникла по благословению его милости, отца Мефодия Филимоновича, епископа Мстиславского, и его послушника, протопопа Нежинского... Если великий государь не захочет подтвердить нам вольности, постановленные при Богдане Хмельницком, тогда, ради-не ради, поддадимся поганцу, а на ком будет грех? На епископе Мефодии да на протопопе Нежинском. Пошли, ваша святительская милость, чтобы тем злосеятелям-клеветникам не верил»⁴⁴.

Малороссийский приказ решительно отстаивал репутацию своего агента. В ответ на подобные челобитные с Украины было заявлено, что нежинский протопоп Симеон «преж сего на ссоры ничего не писывал и впредь писать не учнет, а приезжал он к великому государю нашему, к его царскому величеству, бити челом за них же, гетмана, и за все войско, будущее при нем»⁴⁵.

Протопоп отправил царю Алексею Михайловичу обширный доклад на гетмана Многогрешного, в котором описал свои злоключения⁴⁶. Из этого документа мы узнаем, что с 27 декабря по 10 января Симеона Адамовича держали под арестом. Когда протопоп получил отписки от воеводы И. Ржевского, их перехватили, заставили прочесть вслух, и если бы там оказалось что-то против гетмана, то Адамовичу было бы не миновать смерти. Он жаловался царю, что гетман хотел его «тотчас разстрелять» и запретил вести любую переписку⁴⁷.

Д.И. Многогрешный взял С. Адамовича с собой в Новгород-Северский, где состоялся съезд трех полков – Черниговского, Стародубского и Нежинского, на котором Многогрешный был провозглашен «совершенным гетманом». Протопоп нужен был гетману в качестве заложника. Д.И. Многогрешный ожидал возвращения из Москвы своего посольства во главе с П. Забелой. В том случае, если московское правительство согласится вывести свои вооруженные силы из малороссийских городов, С. Адамовича обещали оставить в живых и отпустить, в противном же случае «либо смерти предати, либо татаром отдати»⁴⁸.

После тайного разговора с гетманом, во время которого С. Адамович выяснил, что Д.И. Многогрешный не собирается служить Московскому государству, и в случае, если ему будет угрожать опасность, собирается сбежать «в цесарскую землю», протопоп был отпущен на свободу, но с условием, что сказанное гетманом останется в тайне от Москвы⁴⁹.

В своем доносе С. Адамович несколько раз подчеркивал необходимость оставить гарнизоны в крупных украинских городах. В случае вывода войск, он предпочитал и сам отправиться в Москву.

Освободившись из-под ареста, С. Адамович отправился в Нежин. Там в замке у И.И. Ржевского с 1 января 1669 г. его дождалась жена, которую нежинскому воеводе удалось освободить из плена. В течение 17 недель она находилась в Прилуках, где кошевой полковник ее «кандалами, колодками и битьем мучал», чтобы получить все оставшееся у семьи Адамовичей имущество⁵⁰. По-видимому, донос на Д.И. Многогрешного протопоп составил, пока жил со своей семьей и челядью под покровительством И.И. Ржевского. При этом С. Адамович серьезно рисковал и, понимая это, настаивал на сохранении его доноса в строгой секретности. В письме к думному дьяку Посольского приказа Герасиму Дохтурову он просил, чтобы «кто простой не переводил, а переводчики у вас есть таковы, что, переведши, тотчас и нашим людям скажет; а тайну царскую таити, а не открывати»⁵¹.

После Глуховской рады, состоявшейся в марте 1669 г., положение С. Адамовича значительно укрепилось. Его московский покровитель А.С. Матвеев сыграл большую роль в подготовке и проведении этой рады и уже в апреле 1669 г. был поставлен во главе Малороссийского приказа. С этого времени нежинский протопоп приступил к исполнению своих обязанностей перед московским правительством.

За нелегкую службу в смутном 1668 году ему было прислано 50 рублей царского жалованья⁵². В мае 1669 г. он, выполняя поручение И.И. Ржевского, возил в Малороссийский приказ письма с сообщениями о планах П.Д. Дорошенко⁵³. С лета 1669 г. С. Адамович налаживает отношения с гетманом Д.И. Многогрешным. В отписке гетмана от 30 августа 1669 г. протопоп выступает уже как его доверенное лицо: «...Пожаловали меня через честного отца Семиона Адамовича, протопопа нежинского, пистолми золочеными, оправными серебром с винифтью, да пищаль бинтованную золоченую»⁵⁴.

В письмах к А.С. Матвееву С. Адамович для укрепления своего положения обращается за поддержкой царя и гетмана. Он настойчиво просит А.С. Матвеева прислать ему «царский привилей» на Нежинскую и Иченскую протопопии и даже посылает в Москву бумагу – «лист великий с каймою и титулу государеву златом написанную»⁵⁵, на которой должна была быть написана грамота. Из отписки гетмана царю от 12 сентября 1670 г. мы узнаем, что Матвеев исполнил эту просьбу и прислал гетману Д.И. Многогрешному указ о поставлении Адамовича на Нежинскую и Иченскую протопопии⁵⁶. В письме к А.С. Матвееву С. Адамович благодарит его за помощь и сообщает, что гетман его «по указу великого государя у преосвященного архиепископа заступил и на прежней протопопии утвердил»⁵⁷.

В сентябре 1670 г. С. Адамович принял активное участие в решении вопроса о церковном проклятии, наложенном на Д.И. Многогрешного константинопольским патриархом с подачи политических противников гетмана. Этот конфликт подробно описан у С.М. Соловьева⁵⁸. С. Адамович вместе с сотником В.С. Булдановским были отправлены в Москву с грамотой из Константинополя и с челобитными от Л. Барановича и Д.И. Многогрешного, в которых содержалась просьба к царю ходатайствовать о снятии этого проклятия. Посылая С. Адамовича, гетман, очевидно, хотел воспользоваться тем, что протопопу покровительствовал А.С. Матвеев. Сохранилось письмо С. Адамовича к А.С. Матвееву, из которого следует, что Артамон Сергеевич «о отпущении клятвы заступил и поставил [Адамовича] пред лицом царевым, которой сам, своими государскими праведными усты, на желание верного подданного своего, Демьяна Игнатовича, ответы давал»⁵⁹.

В планы Матвеева входило максимальное сближение Адамовича с гетманом Многогрешным. Вскоре Адамович действительно заручился

доверием гетмана, о каждом шаге которого он сообщал в Москву. В письме к Матвееву он пишет: «...только и совета здравого, что со мною, безвестная и тайная объявляет мне, а я, господине, ни к какому злу не привожу, только всегда милостию царскою обнадеживаю»⁶⁰.

Через Адамовича гетман получал царские подарки и государево жалованье для раздачи казацкой старшине, вел переговоры с московским правительством. Протопоп часто приезжал в Москву и вскоре приобрел там определенное влияние. К нему обращались люди, которым требовалась помощь А.С. Матвеева. С. Адамович выступал перед Артамоном Сергеевичем ходатаем по множеству вопросов, связанных с исполнением личных просьб малороссиян. Так, например, он просил о присылке шатра для гетмана, о печатании сочинения Л. Барановича «Трубы»⁶¹.

Адамович своевременно сообщал А.С. Матвееву о возможных очагах смут на Украине и давал рекомендации по их предотвращению. Чаще всего это был совет о раздаче царского жалованья. В декабре 1670 г. протопоп приложил все усилия, чтобы урегулировать назревающий конфликт брата гетмана В.И. Многогрешного и полковника М.Н. Гвинтовки с Москвой. Адамович сообщал, что они были оскорблены в Московском государстве, не получили своевременно жалованье и намеревались перейти на службу к правобережному гетману. Протопоп красноречиво просил А.С. Матвеева вмешаться: «Хочешь ли государь, Артемон Сергеевич, в нынешнее непостоянство имети Малороссийскую страну мирну, буди врачом, исцели язву, утешьте поскорее, яко от отца милосердие, от великого государя, гетмана Демьяна и Василия Игнатовичев и Гвинтовку государским жалованьем... а покамест царское жалованье будет, как могу великому государю буду служить и их буду уговаривать, чтоб они служили великому государю верно»⁶².

Острая политическая ситуация возникла в 1671 г., во время тяжелой болезни гетмана. Адамович вновь употребил все свое влияние, чтобы ситуация не вышла из-под контроля московского правительства. Протопоп присутствовал при разговоре Д.И. Многогрешного с его братом Василием, который считался преемником в случае смерти гетмана. Роль С. Адамовича в этом случае заключалась в укреплении намерения В. Многогрешного служить России. В письме к А.С. Матвееву Адамович писал: «И гетман Демьян Игнатович молился и приказывал, видя мою верность к великому государю и к себе, чтоб я брату ево во всем советен был ко удержанию Малыя России»⁶³.

От Адамовича требовалось собирать и пересылать в Малороссийский приказ сведения о военных действиях турок и гетмана Правобережной Украины П.Д. Дорошенко, о настроениях украинского населения, а также любую информацию, которая могла оказаться полезной. Так, например, Л. Щепотьев писал, что в 1671 г. именно Адамович сообщил Матвееву о необыкновенной дешевизне хлеба на Украине⁶⁴. Вполне возможно, что именно это привело Артамона Сергеевича к мысли о закупке хлеба для ратных людей на местах.

Положение С. Адамовича на Украине было неустойчивым. Он сам это осознавал и писал: «Ненавидящие мира расколницы многие от наших людей москалем меня называют, а не своим протопопом»⁶⁵. В письмах к Матвееву Адамович не раз акцентировал внимание на том, что сведения, которые он сообщает, должны содержаться в тайне: «Хотя и худобы в письмах моих нет никакой, чтоб они не были в переводе всем наружу, и мало б кто про них ведал»⁶⁶.

Летом 1671 г. Д.И. Многогрешный стал сомневаться в целесообразности своей дальнейшей службы Московскому государю. Его настораживало то обстоятельство, что в переговорах с Речью Посполитой не учитывались малороссийские интересы. Россия могла уступить спорные пограничные территории по реке Соже, не пригласив на переговоры украинских представителей, как было постановлено и записано в Глуховских статьях 1669 г. Многогрешный опасался также возможной передачи Киева Польше. Кроме того, он получил сведения о том, что вместо него хотят поставить другого гетмана. Недоверие гетмана к московскому правительству росло. Он пошел на сближение с П.Д. Дорошенко. Отношения Д.И. Многогрешного с С. Адамовичем стали напряженными. В 1672 г. состоялся разговор протопопы с гетманом, в котором Адамович сделал попытку укрепить веру Многогрешного в милость к нему со стороны царя, однако протопоп чуть было не поплатился за это жизнью. По показаниям стрелецкого головы Г. Неелова, «...гетман, на него осердясь, хотел было ему, протопопу, своими руками голову отсечь саблею у себя в светлице, и бранил его всячески, и говорил ему, протопопу: ты де, заодно с москалями мною торгуешь»⁶⁷.

Во время ареста Д.И. Многогрешного казацкой старшиной С. Адамович ехал из Москвы с царскими грамотами на имя гетмана, в которых Д.И. Многогрешного убеждали оставить свои беспочвенные подозрения и по-прежнему служить великому государю. Узнав о

произошедших событиях, Адамович отправился в Москву и свидетельствовал там против гетмана.

В статейном списке посольства стрелецкого полуголовы А. Танева и подьячего С. Щеголева к гетману Многогрешному приводятся речи обозного Петра Забелы и судьи Ивана Домонтовича об измене гетмана, о соединении его с Дорошенко. Эти люди считали Адамовича одним из самых первых виновников размолвок Многогрешного с Москвой: «А наипаче всех ссорщик нежинской протопоп Симеон Адамов, и посылает его к Москве для проводывания всяких вестей, и он, приехав к нему, гетману, хотя его удобрить, то сказывает, чего не бывало»⁶⁸.

Несмотря на близость к гетману, Адамович не был отправлен в ссылку вместе с Д.И. Многогрешным. На допросе протопоп отвечал, что они с полковником Д. Райчей договорились, что в случае измены гетмана уедут в Путивль. Сам факт отпадения Многогрешного от Москвы не был неожиданностью для Адамовича, который оправдывал свое молчание о предполагаемой измене тем, что в это время находился в Москве, но не имел случая поговорить с А.С. Матвеевым: «...о том де, ему о всем с думным дворянином, с Артамоном Сергеевичем Матвеевым, поговорить и известить ему наодине было неколи, потому что де, он ныне безпрестанно за его царского величества дела сидит в приказе»⁶⁹.

В результате разбирательства с Симеоном Адамовича были сняты все обвинения. Вплоть до выборов нового гетмана (которым стал И. Самойлович) войсковая старшина поручала ему вести переговоры с Москвой.

На протяжении рассматриваемого периода Симеон Адамович оказался надежным агентом московского правительства. Он осуществлял свою посредническую деятельность в наиболее острые периоды русско-украинских взаимоотношений, не раз его жизнь подвергалась опасности. Служба нежинского протопопа еще несколько лет успешно продолжалась при гетмане И. Самойловиче, однако ему не удалось избежать обвинения в антироссийском заговоре (1677 г.) и ссылки в Сибирь, где протопоп развил свой литературный талант и стал автором «ораций»-панегириков⁷⁰. «Промосковская» деятельность С. Адамовича в 1672–1676 гг., его конфликт с И. Самойловичем, а также последнее десятилетие жизни (он умер в 1687 г.) требуют комплексного изучения и могут стать предметом самостоятельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Эйнгорн В.О.* Из истории Малороссии в XVII в. I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI. Т. 11–12.

² *Буланин Д.М.* Симеон Адамович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 557–561.

³ Некоторые библиографические данные о С. Адамовиче приведены в примечаниях В. Шевчука к опубликованному доносу С. Адамовича на гетмана Д. Многогребешного. См.: Тисяча років української суспільно-політичної думки. У 9-ти т. К., 2001. Т. 3. Кн. 1. Третя чверть XVII с. / Упор., передм., приміт. В. Шевчука (Интернет-версия: <http://litopys.org.ua/suspil/sus.htm>).

⁴ *Буланин Д.М.* Симеон Адамович. С. 558.

⁵ *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Ч. 1: Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. М., 1998. С. 337.

⁶ АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4. № 22, 23, 33.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Там же. С. 264.

⁹ *Баранова О.В.* Договоры войска запорожского с Россией и практика взаимоотношений сторон во второй половине 50-х – 70-е гг. XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник. М., 2003. С. 47.

¹⁰ *Заборовский Л.В.* Указ. соч. С. 10.

¹¹ Библиотека университета Хельсинки. Славянский отдел. SL. MF. 2656. SL. Ms-k-8. (77-I-8). Л. 42 об., 60–62.

¹² *Баранова О.В.* Указ. соч. С. 48.

¹³ *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 345–346.

¹⁴ *Бушкович П.* Россия и Украинское гетманство в 1653–1725 годах // Белоруссия и Украина: история и культура: ежегодник. М., 2005. С. 75–76.

¹⁵ *Галактионов И.В., Чистякова Е. А.Л.* Ордин-Нащокин – русский дипломат XVII века. М., 1961. С. 124.

¹⁶ АЮЗР. Т. 4. С. 249–250.

¹⁷ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. VI. Т. 11–12. С. 101.

¹⁸ *Буланин Д.М.* Указ. соч. С. 558.

¹⁹ АЮЗР. СПб., 1867. Т. 5. С. 178.

²⁰ Конфликт Мефодия и Я. Самка подробно описан у С.М. Соловьева. См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. VI. Т. 11. С. 102–113.

²¹ АЮЗР. Т. 5. С. 178.

²² *Баранова О.В.* Указ. соч. С. 52.

²³ Там же. С. 56.

- ²⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 12. С. 348–349.
- ²⁵ АЮЗР. Т. 6. СПб., 1869. С. 158.
- ²⁶ Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. С. 56.
- ²⁷ АЮЗР. СПб., 1872. Т. 7. С. 89–96.
- ²⁸ Там же. С. 89.
- ²⁹ Там же. С. 91.
- ³⁰ Там же. С. 90.
- ³¹ Там же. С. 91.
- ³² Там же. С. 92.
- ³³ Там же. С. 94.
- ³⁴ Там же. С. 95.
- ³⁵ Там же. С. 95.
- ³⁶ Там же. С. 95.
- ³⁷ Там же. С. 95.
- ³⁸ Там же. С. 91.
- ³⁹ Там же. С. 91.
- ⁴⁰ Там же. С. 96.
- ⁴¹ Там же. С. 156.
- ⁴² Там же. СПб., 1875. Т. 8. С. 9.
- ⁴³ Там же. С. 10.
- ⁴⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 12. С. 365–366.
- ⁴⁵ АЮЗР. Т. 8. С. 38.
- ⁴⁶ Там же. С. 9–15.
- ⁴⁷ Там же. С. 10; См. также: Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 12. С. 368–369.
- ⁴⁸ АЮЗР. Т. 8. С. 10.
- ⁴⁹ Там же. С. 11.
- ⁵⁰ Там же. С. 12.
- ⁵¹ Там же. С. 14–15.
- ⁵² Там же. СПб., 1877. Т. 9. Стб. 113.
- ⁵³ Там же. Т. 8. С. 164–165.
- ⁵⁴ Там же. Т. 9. Стб. 59.
- ⁵⁵ Библиотека университета Хельсинки. Славянский отдел. SL. MF. 2656. SL. Ms-k-8 / (77-I-8). Л. 14.
- ⁵⁶ АЮЗР. Т. 9. Стб. 270.
- ⁵⁷ Библиотека университета Хельсинки. Славянский отдел. SL. MF. 2656. SL. Ms-k-8. (77-I-8). Л. 5 об.
- ⁵⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. VI. Т. 12. С. 401–406.
- ⁵⁹ Библиотека университета Хельсинки. Славянский отдел. SL. MF. 2656. SL. Ms-k-8. (77-I-8). Л. 5-5 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 13–13 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 6–6 об.

⁶² Там же. Л. 21 об.

⁶³ Там же. Л. 34.

⁶⁴ *Щепотьев Л.* Ближний боярин А.С. Матвеев как культурный политический деятель XVII в. СПб., 1906. С. 126–127.

⁶⁵ Библиотека университета Хельсинки. Славянский отдел. SL. MF. 2656. SL. Ms-k-8. (77-I-8). Л. 14.

⁶⁶ АЮЗР. Т. 9. Стб. 331.

⁶⁷ Там же. Т. 9. Стб. 642.; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. VI. Т. 12. С. 408.

⁶⁸ АЮЗР. Т. 9. Стб. 677.

⁶⁹ Там же. Т. 9. Стб. 684.

⁷⁰ *Буланин Д.М.* Указ. соч. С. 558–561; *Черная Л.А.* «Орации» Симеона Адамовича 1670-х гг. // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 1994. Сб. 6, ч. II. С. 249–263.